

ОБЩЕСТВО ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛЕ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Н. А. Халфин

В 1888 г. в Москве вышла в свет тоненькая — на 12 страницах — брошюра, которая сразу же приковала внимание предпринимателей. Она называлась «Таможенная пошлина на хлопок-сырец в интересах национального хлопководства». Анонимные авторы более или менее четко двигали цель — освободиться от иностранной зависимости в получении этого важнейшего сырья. Задача была исключительно ответственной, особенно если учесть удельный вес текстильной промышленности в стране. Но даже постановка такой задачи могла тогда показаться в какой-то мере легкомысленной, полужантасической. «Национальное хлопководство» только зарождалось, делало первые шаги. Под хлопчатником во всей огромной Российской империи было занято в то время всего около 37 тыс. десятин. Текстильные фабрики полностью работали на сырье, привозимом из США. Американцы кичились своей хлопковой монополией и даже придавали ей политическое значение. В США издавались книги, посвященные теме: «хлопок как мировая держава», а влиятельный сенатор Д. Г. Гамонд 4 марта 1858 г. торжественно, хотя и не совсем обоснованно, утверждал: «Без единого пушечного выстрела и не обнажая меча, мы можем поставить на колени весь мир, если они посмеют начать с нами войну... Что произойдет, если в течение трех лет не будет поставки хлопка?.. Нет, вы не посмеете воевать с хлопком. Нет такой власти на земле, которая бы посмела воевать с ним. Хлопок правит миром»¹.

Кого же в России беспокоила зависимость от американских поставок? К сожалению, назвать непосредственных составителей упомянутой брошюры невозможно, но появилась она под грифом «высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле». Устав этого общества, подписанный министром финансов М. Х. Рейтерном, был утвержден царем 17 ноября 1867 года². Просуществовало оно, таким образом, полвека — чуть ли не день в день, — сыграв важную роль в различных отраслях российской индустрии и торговли³.

Как ни странно, это объединение предпринимателей почти совершенно не попало в поле зрения ни дореволюционных, ни советских ис-

¹ Цит. по: Фолькнер. История народного хозяйства САСШ. М.-Л. 1932, стр. 279.

² «Устав Общества для содействия русской промышленности и торговле». СПб. 1867.

³ Пока не удалось найти архив общества; основным источником сведений о нем служат выпускавшиеся им «Труды» и другие материалы.

следователей⁴. Между тем его деятельность вполне может служить темой монографического изучения, которое существенно пополнит наши представления о развитии капитализма в России во второй половине XIX — начале XX века. В статье речь идет лишь об одном из аспектов проблемы — отношении определенных кругов, связанных с Обществом для содействия русской промышленности и торговле, к укреплению своего положения в экономике Средней Азии. Это было особенно необходимо в условиях усиливавшейся британской военно-политической экспансии и торговой конкуренции на Востоке.

«После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»⁵, — так характеризовал В. И. Ленин обстановку, которая сложилась в России в пореформенный период. Отмена крепостного права и другие преобразования стимулировали значительное оживление деятельности торгово-промышленных кругов и связанных с ними представителей дворянства. Один из наиболее авторитетных политических деятелей той эпохи — министр финансов М. Х. Рейтерн в феврале 1877 г. констатировал: «Последнее десятилетие ознаменовано сильным и небывалым у нас развитием частной предприимчивости и вместе с тем биржевой деятельностью, без которой в наше время немыслимо такое развитие. Возникло множество частных банков, строительных и других акционерных обществ и огромное число предприятий, основанных на товариществе или устраиваемых усилиями частных лиц. Все это принесло обильные финансовые и экономические плоды: огромное возвышение доходов, возрастание торговли, увеличение цен на недвижимую собственность и пр.»⁶.

Важной особенностью наступившей в стране поры «грюндерства» было стремление российской буржуазии к организационному сплочению, поскольку некоторая либерализация политической жизни создавала для этого более благоприятные условия, чем в предшествовавшие годы. Появляется большое количество разнообразных обществ и союзов, выражавших интересы и требования этого развивавшегося и укреплявшегося во второй половине XIX в. класса. Среди них одно из ведущих мест, несомненно, занимало Общество для содействия русской промышленности и торговле. «Едва ли не все заинтересованные в торговых и промышленных делах России лица давно уже сознавали крайнюю необходимость в образовании у нас такого общества, в котором обсуждались бы все касающиеся нашей торговли и промышленности вопросы и которое, по примеру обществ, существующих у нас по другим предметам, по возможности содействовало бы к осуществлению и развитию промышленных предприятий, а также и к устранению всего того, что противодействует процветанию существующих уже отраслей отечественной промышленности и торговли, — гласила неподписанная объяснительная записка к проекту устава общества. — Потребность в обсуждении многих вопросов, касающихся нашей торговли и разных отраслей промышленности, увеличивается с каждым днем». Составители объяснительной записки взывали к правительственным кругам: «Создать среду практических людей, способных всесторонне обсудить промышленные, торговые и даже финансовые вопросы, — значит оказать необходимую услугу как нашему про-

⁴ Материалы общества использовались лишь в трудах: А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М. 1956; В. Я. Лаврычев. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М. 1974.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 174.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1072, д. 8, лл. 89—90.

мышленному миру, так даже и нашей государственной финансовой администрации».

Какие же цели ставили перед собой организаторы общества? По их замыслу, ему надлежало быть «известного рода представителем всех торговых и промышленных интересов не одной какой-либо местности, а всей России, всех классов русского народонаселения». Оно «должно стремиться, чтобы ни одна полезная для русской торговли и промышленности мысль... не оставалась без должного внимания и необходимого содействия ее осуществлению...»⁷. Особенно отстаивалось право «входить» от имени общества с ходатайством в правительственные сферы для разрешения проблем, которые волновали предпринимателей. После утверждения устава общество постепенно превратилось в многочисленную организацию, включавшую не только фабрикантов, заводчиков, крупных и мелких торговцев, но и представителей сановной аристократии, пополнявших свои доходы за счет предпринимательской деятельности, а подчас и рассматривавших последнюю как основной источник финансовых поступлений.

Общество для содействия русской промышленности и торговле проявляло свою активность в самых разнообразных отраслях экономической жизни страны, выступало инициатором во всевозможных мероприятиях по изучению и развитию ее производительных сил. Оно организовало несколько исследовательских экспедиций (в частности, для изучения Сибири в 1881 г.), добилося созыва важных съездов: в 1870 г. в Петербурге — фабрикантов, заводчиков и «лиц, интересующихся отечественной промышленностью»; в 1882 г. во время Всероссийской выставки в Москве — торгово-промышленного съезда; в 1885 г. — съезда железозаводчиков; в 1892 г. — съезда представителей винокурения и торговли спиртом, и т. д. Широту интересов членов общества наглядно характеризует перечень проблем, обсуждавшихся на его заседаниях. Например, в 1872 г. рассматривались следующие вопросы: направление Онежско-Вытегорской ж. д., развитие нефтяной промышленности на Кавказе, орошение земель по р. Сырдарье, британская торговая экспансия в Средней Азии, состояние соляной промышленности в Нижневолжском бассейне, расширение экономических связей с соседними странами Востока, разработка устава о золотопромышленности, итоги «лесного съезда», вопрос об асигновках и переделке золота в монету, деятельность Международного статистического конгресса и многое другое⁸.

Общество для содействия русской промышленности и торговле номинально являлось всероссийским, но возникло оно в Петербурге, среди столичных капиталистов и, по-видимому, отражало в первую очередь их интересы. Это обстоятельство, как нам кажется, объясняет некоторую индифферентность к его деятельности (по крайней мере, на начальном этапе) другого крупного отряда российских предпринимателей — московского. Во всяком случае, цифры свидетельствуют, что в 1872 г., когда общество уже вступило в пятый год своего существования и насчитывало 730 членов, в его состав входило 265 действительных членов из Петербурга, 82 — из Риги, 60 — из Екатеринбурга и только 48 — из Москвы. К этому времени оно имело отделения в Риге, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, даже в Касимове и Ташкенте, где было соответственно 16 и 14 действительных членов, тогда как московского отделения еще не существовало⁹. Подобная позиция московских предпринимателей носила в какой-то степени демонстративный характер,

⁷ «Объяснительная записка и проект устава по учреждению Общества для содействия русской промышленности и торговле». СПб. 1867, стр. 3—5.

⁸ «Труды» Общества для содействия русской промышленности и торговле (далее — «Труды» Общества). Ч. 2. СПб. 1873.

⁹ Там же. Ч. 1. СПб. 1872, стр. 2—3.

ибо вскоре после создания общества их петербургские коллеги безуспешно пытались создать в Москве «вспомогательный комитет общества или постоянный съезд его членов», но успеха не добились¹⁰. Отделение в Москве появилось лишь в сентябре 1884 г., но и тогда оно ориентировало свои действия преимущественно на освоение природных богатств Сибири и общероссийские мероприятия, словно отстраняясь от торгово-экономических проблем Средней Азии.

Все это следует особо отметить потому, что Московский текстильный район, к которому тяготели купцы и фабриканты Иваново-Вознесенска (они были представлены в обществе 12 членами), Костромы (9 членов), Шуи (8 членов) и другие, был тесно связан со среднеазиатскими источниками сырья и рынками сбыта. Можно предположить, что московская буржуазия стремилась действовать на восточных окраинах вне организационных рамок общества, в котором господствовали дельцы Петербурга, основные конкуренты текстильных предпринимателей Центрального района. Петербургская губерния располагала накануне отмены крепостного права примерно 600 тыс. (или 40%) хлопчатобумажных веретен из 1,5 млн., которые имела Россия, тогда как на Московскую (вместе с Москвой) приходилось около 350 тыс., а на Владимирскую губернию — около 200 тысяч. Несмотря на четкую тенденцию снижения удельного веса Петербургского района в российском бумагопрядении, в 1887 г. там находилось 750 тыс. веретен¹¹, или 30% их общего количества (без Польши и Финляндии). Данное обстоятельство, как и аналогичные, относящиеся к другим отраслям промышленности, не могли не сказаться на позиции дельцов центра.

Между тем на более раннем этапе, когда идея организационного сплочения заводчиков, фабрикантов, финансистов и торговцев в общероссийском масштабе лишь вынашивалась, она встречала полную поддержку не только в Петербурге, но и в Москве. Попытки такого сплочения предпринимателей делались еще до того, как реформы 60-х годов XIX в. создали благоприятные условия для капиталистического развития страны. Об этом свидетельствует отчет о деятельности общества за 1867—1892 годы. Первоначальные намерения создать эту организацию, отмечалось в нем, относятся к середине 50-х годов XIX в., когда разрабатывался тариф 1857 года. «Тогда представители московской и петербургской торговли и промышленности собирались в доме одного из знаменитых наших заводчиков, Ивана Сергеевича Мальцова, и обсуждали план организации общества, в среде которого могли бы рассматриваться все торгово-промышленные вопросы и которое имело бы право ходатайствовать перед правительством о нуждах русской торговли и промышленности; проект был составлен, но, к сожалению, вследствие неблагоприятных обстоятельств дело не могло осуществиться»¹². Сущность означенных «неблагоприятных обстоятельств» в отчете не раскрывается, но можно полагать, что в накаленной предреформенной обстановке власти порекомендовали деятелям молодой и робкой буржуазии временно приглушить свои тенденции к сплочению.

В середине 60-х годов XIX в. таможенный тариф Российской империи подвергся новому пересмотру. В связи с этим британский консул в Петербурге Митчел и бельгийский экономист де-Молилари высказали мнение о целесообразности перехода России к свободной торговле —

¹⁰ «Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле в 1869 году» (далее — «Отчет о деятельности Общества в 1869 году»). СПб. 1870, стр. 12—13. В. Я. Лаверычев полагает, что московские предприниматели, соперничавшие с петербургскими, считали необходимым, чтобы центр общества находился в Москве (В. Я. Лаверычев. Указ. соч., стр. 96—97).

¹¹ В. К. Яцунский. Роль Петербурга в промышленном развитии дореволюционной России. «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 98.

¹² «Отчет о деятельности Общества с 1867 по 1892 год». СПб. 1892, стр. 2—3.

фритредерству. Их поддержали некоторые отечественные органы печати, что вызвало форменный переполох среди многих предпринимателей, опасающихся, что при отмене защитительных пошлин внутренний рынок захлестнут более дешевые изделия Западной Европы. На квартире лесопромышленника В. Ф. Громова, который «по обширному состоянию и значительным торговым оборотам был одним из самых крупных представителей русской торговли и весьма значительным лицом петербургского общества»¹³, начались новые встречи предпринимателей и общественных деятелей. Среди них выделялись: городской голова Петербурга Н. И. Погребов, заводчик А. П. Шипов, представитель кяхтинского купечества в столице И. А. Носков и другие, которые и выработали устав общества¹⁴. В 1868—1872 гг. в качестве официального органа Общества для содействия русской промышленности и торговле выступал журнал «Торговый сборник». В дальнейшем эту роль выполняли «Труды» общества. За 1872—1913 гг. было опубликовано 30 «частей» этих «Трудов».

Инициаторы создания общества сжато формулировали его цели следующим образом: гласно обсуждать общие потребности развития отечественной промышленности и торговли, а также ходатайствовать перед правительством «в тех случаях, когда заявление одного лица не представляет достаточного авторитета, но требует поддержки со стороны общественного мнения важнейших представителей нашей торговли и промышленности»¹⁵.

Руководил обществом комитет, председателем которого до своей смерти в 1880 г. был Н. И. Погребов. Интересны структура и состав комитета. Он делился на 4 отделения, которые возглавляли вице-председатели комитета: 1-е (редакционное и распорядительное) — фабрикант и нижегородский ярмарочный голова А. П. Шипов; 2-е (заводской и фабричной промышленности) — «механический и горный заводчик» В. А. Полетика; 3-е (внутренней и внешней торговли) — петербургский купец I гильдии А. Г. Золотарев; 4-е (торгового мореплавания и путей сообщения) — петербургский купец I гильдии П. А. Беляев. Впоследствии возникло 5-е отделение, ведавшее кустарной и ремесленной промышленностью. Членами отделений были: директор Рыбинско-Бологовской ж. д. К. А. Варгуниин (казначей общества), директор общества взаимного кредита и член Мануфактурного совета И. А. Варгуниин, один из руководителей Вольного экономического общества С. С. Лашкарев, член Мануфактурного совета Д. П. Скуратов, гофмейстер двора вел. кн. Елены Павловны и «свеклосахарный заводчик» А. А. Абаза, «механический заводчик» Л. Н. Нобель, редактор «Торгового сборника» А. А. Красильников, председатель Петербургского коммерческого суда А. А. Книрим, его «товарищ» Н. А. Тур, директор Российского общества страхования и транспортирования кладей П. О. Комаров, судовладелец Н. А. Брылкин, фабрикант А. И. Варгуниин, петербургские купцы I гильдии В. А. Милютин, И. О. Паллизен (датский консул), Ф. П. Погребов, А. П. Сазонов, В. И. Сазиков, Н. Н. Соболев, В. И. Сушкин, Н. И. Умов, М. С. Степанов, землевладелец А. Я. Сафронов, красноярский купец I гильдии, золотопромышленник М. К. Сидоров, И. П. Золотницкий. Делопроизводителем комитета был кяхтинский потомственный почетный гражданин И. А. Носков, а «кандидатом к делопроизводителю и секретарем по отделениям» — горный инженер К. А. Скальковский.

Следовательно, во главе общества стояли преимущественно столичные предприниматели. Быть может, это также вызвало прохладное от-

¹³ «Отчет о деятельности Общества в 1869 году», стр. 5.

¹⁴ См. К. Скальковский. Воспоминания молодости. (По морю житейскому). 1843—1869. СПб. 1906, стр. 295.

¹⁵ «Отчет о деятельности Общества в 1868 году». СПб. 1869, стр. 3—4.

ношение к нему торговых и фабрично-заводских кругов Центрального промышленного района.

Однако интерес петербургских дельцов к Средней Азии был несколько не меньшим, чем московско-ивановских фабрикантов текстиля: и те и другие с огромным вниманием следили за событиями, которые разворачивались на Востоке. К тому моменту, когда общество начало свою деятельность, царские войска уже овладели Ташкентом (1865 г.), ставшим центром образованного 11 июля 1867 г. Туркестанского края. Вскоре после этого, 23 июня 1868 г., его первый генерал-губернатор К. П. Кауфман добился признания Бухарским эмиратом вассальной зависимости от Российской империи. Развитие торговли на обширных среднеазиатских землях, их экономическая эксплуатация, использование сырьевых ресурсов — эти проблемы приобретали теперь актуальное практическое значение, что немедленно отразилось на действиях общества. Первостепенное внимание его членов — применительно к событиям на Востоке — привлекало улучшение условий и расширение экономических связей со Средней Азией, а также проблема обеспечения отечественной промышленности хлопковым сырьем и освобождения ее в этом плане от американской зависимости.

Уже в 1869 г. проживавший в Ташкенте член общества Н. Н. Раевский представил комитету подготовленное им руководство по разведению хлопчатника, отметив особое значение этой культуры для Туркестанского края и соседних ханств. Он предлагал специально рассмотреть меры по улучшению качества местного сырья (среднеазиатский хлопок был низкосортным, грубым, с коротким волокном и т. п.). Комитет подчеркнул важность поднятого вопроса и создал специальную комиссию для его изучения вместе со знатоками дела. Ее председатель — А. Я. Сафонов — передал в комитет доклад Н. Н. Раевского, где с помощью цифр доказывалось, «какое громадное количество хлопка Россия приобретает за наличные деньги с американских и других рынков и насколько выгоднее для нее выписка хлопка из Азии, куда мы можем направлять произведения наших мануфактур». Раевский рекомендовал сформировать организацию, которая займется выпиской семян и улучшением сортности хлопчатника, устроит опытные плантации, разработает и издаст соответствующие инструкции «на русском, татарском и грузинском (учитывая наличие посевов хлопка в долинах Аракса, Куры и Риони. — Н. Х.) языках и проч.», откроет отделения на Кавказе, в Крыму и Туркестане. Комитет общества решил отпечатать 600 экз. доклада для его распространения, собрать сведения о семенах и ценах на машины по обработке земли. Предприниматель И. Ф. Базилевский выделил 3 тыс. рублей на посылку в Египет нескольких воспитанников Петербургского технологического института и Московской земледельческой академии для изучения культуры хлопчатника. При обществе возникла постоянная комиссия «для рассмотрения мер к разведению в России хлопчатника». В нее вошли: Н. Н. Раевский, Д. П. Скуратов, И. А. Брылкин, Г. Н. Морозов, Ф. М. Келлер¹⁶.

Глубокий интерес общества к созданию и укреплению отечественной базы хлопководства прослеживается в течение всего его существования. Этот вопрос выносился на все крупные съезды российских предпринимателей, к организации которых оно имело отношение. На первом же заседании 5 отделения 1-го Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью, проходившего с 18 мая по 16 июня 1870 г. в Петербурге, первым обсуждался вопрос: «В какой степени можно устранить недостатки нашего хлопка и содействовать к распространению его употребления». Много внимания было уделено проблемам разведения и улучшения качества хлопка, вы-

¹⁶ «Отчет о деятельности Общества в 1869 году», стр. 26—28.

ращиваемого в Туркестанском крае и Бухарском эмирате (учитывая систематический рост его вывоза в Россию), облегчения и убыстрения способов доставки (в том числе — создания «безопасных, удобных и кратких путей»). В ходе обсуждения подчеркивалось, что это позволит выйти «из опеки американцев, по крайней мере относительно хлопчатобумажных изделий средней руки». Эти положения вошли и в резолюции съезда. В них отмечалась «необходимость удешевления продукта без ущерба его качеству, что и может быть достигнуто, если в среде нашего купечества образуется правильная потребительная ассоциация, которая на свой складочный капитал устроит хорошие плантации хлопка в соотвествующих ему местностях». Делегаты съезда «выражали желание, чтобы пути сообщения между плантациями и местами потребления представляли собой все условия безопасной, дешевой, скорой и срочной доставки товара, чему существующие дороги далеко не удовлетворяют. По убеждению съезда, открытие правильного пути через Красноводск отразилось бы благоприятными последствиями относительно удешевления хлопка»¹⁷.

Расширение посевов хлопка и его поставок из Средней Азии продолжало интересовать членов общества и позднее. Хотя крупная и «правильная» потребительная ассоциация купцов не возникла, отдельные предприниматели осуществили широкие и энергичные меры по внедрению более перспективных хлопковых сортов. В отчете о своей четвертьвековой деятельности общество подчеркивало свои заслуги в «развитии культуры хлопчатника в наших азиатских владениях» и в том, что «на Востоке России и Кавказе прочно установилось хлопковое дело»¹⁸. Это утверждение было сделано в 1892 году. К тому времени были проведены немаловажные мероприятия для развития хлопководства. Под Ташкентом появилась хлопковая ферма, а затем и опытная плантация. Двое агрономов из России посетили США, изучив там постановку этого дела. Из Америки были выписаны джины для очистки волокна и семена, которые раздавались дехканам в Средней Азии вместе с напечатанным «на туземном языке кратким руководством по культуре американского хлопчатника». В. И. Масальский показывает динамику поразительного роста посевных площадей, занятых американскими сортами хлопка; она вполне может быть охарактеризована как «хлопковая лихорадка»: 1884 г.—300 дес.; 1885 г.—1 000 дес.; 1886 г.—12 000 дес.; 1887 г.—14 338 дес.; 1888 г.—37 228 дес.; 1889 г.—44 550 дес.; 1890 г.—58 859 десятин¹⁹. За каких-нибудь 6 лет увеличение почти в 200 раз! Данные за последующее время еще более разительны. В 1909 г. под хлопчатником было занято лишь в Туркестанском генерал-губернаторстве (не считая Бухарского и Хивинского ханств) — 272 681 дес., в 1910 г.—379 213 дес., а в 1911 г.—425 200 дес., или в 1 417 раз больше, чем в 1884 году. Сбор хлопка-сырца составил в 1910 г. около 25,5 млн. пудов²⁰.

Однако эти успехи не освободили полностью текстильную промышленность России от американской зависимости в области поставок хлоп-

¹⁷ «Протоколы и стенографические отчеты заседаний первого Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью 1870 года». Стенографический отчет 5-го отделения. СПб. 1872, стр. 3—14. Резолюции, принятые съездом... 16 июня 1870 года, стр. 13. Министерство иностранных дел, которому председатель съезда герцог Лейхтенбергский направил эти резолюции, заверило его, что «с особенным сочувствием относится всегда ко всему, что может содействовать увеличению и распространению отечественной производительности», обещая полную поддержку всем подобным начинаниям (АВПР, Санкт-Петербургский Главный архив, П-3, оп. 35, 1870—5, лл. 2—4). Аналогичным образом откликнулось министерство на присланную ему брошюру Н. Н. Раевского о развитии хлопководства в Средней Азии, заявив, что такие действия «заслуживают полного внимания и поддержки правительства» (там же, 1870—4, л. 32).

¹⁸ «Отчет о деятельности Общества с 1867 по 1892 год», стр. 57, 98.

¹⁹ В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб. 1913, стр. 456—458.

²⁰ Там же, стр. 463, 464.

ка, поскольку среднеазиатский хлопок был низкосортным и значительная его часть использовалась для местных нужд. Но эта зависимость была ослаблена, и предприниматели получили возможность определенного маневра. При содействии местных властей (в этом отношении выделялся энергичный и образованный генерал-губернатор К. П. Кауфман) общество внесло существенный вклад в развитие отечественного хлопководства. «Число веретен и количество перерабатываемого волокна увеличились в течение последнего десятилетия прошлого века почти вдвое, а стоимость потребленного сырого материала к 1900 году достигла 171 млн. руб., — писал в 1913 г. В. И. Масальский. — В настоящее время цифры эти значительно возросли, и ныне нашими хлопчатобумажными фабриками потребляется свыше 22 млн. пудов хлопка, из коего более половины приходится на русский хлопок, причем общая стоимость перерабатываемого волокна составляет свыше 275 млн. руб. Число веретен достигало у нас в 1911 г. почти 8 600 тыс., увеличиваясь в последние годы более, чем на 200 000 ежегодно. Стоимость ежегодного привоза к нам хлопка составляет в последнее время около 100 млн. руб... Эта огромная сумма выплачивается нами главным образом Северо-Американским Соединенным Штатам, которые ныне, как и 40 лет тому назад, являются главным поставщиком хлопка на мировой рынок и фактически устанавливают цены на хлопковое волокно». Далее автор указывал, что менее чем за 25 лет отечественное хлопководство, охраняемое покровительственной пошлиной и благодаря другим мерам, превратилось в обширную сельскохозяйственную отрасль, производительность которой «исчисляется в настоящее время около 150 млн. руб.»²¹. Без среднеазиатского хлопка значительную часть этой суммы русским фабрикантам пришлось бы выплачивать за ввоз хлопка из США.

Улучшение условий и расширение экономических связей центральных районов страны со Средней Азией зависели от прокладки туда безопасных и удобных дорог. И не случайно члены общества много времени посвятили обсуждению перспектив создания торговых путей в Туркестан. Как и хлопковые проблемы, эти вопросы оказались в поле зрения общества вскоре после его создания. 9 апреля 1869 г. комитет заслушал «Записку о положении Туркестанского края», составленную С. Н. Трубочаниновым, «коммерческим агентом торгующего в Кяхте купечества», посетившим Ташкент. С. Н. Трубочанинов отмечал сельскохозяйственный характер экономики Средней Азии и наличие больших «видов» на крупное расширение там русской торговли. Способствовать осуществлению этого могут хорошие пути сообщения. Автор писал о возможности прокладки к Ташкенту «железно-конной дороги», но основное внимание уделил водным трассам: через Каспий и повернутую к нему от Аральского моря Амударью, либо «через соединение Каспийского моря с Аральским или с рекою Сырдарьей... Выгоды нашего государства от устройства этих путей будут неисчислимы». Комитет отдал должное затронутому сюжету и подчеркнул, «сколь важно упрочить наше положение в Средней Азии и закрепить за нашей промышленностью тамошние рынки»²². Он постановил подробно обсудить вопрос о путях сообщения в 4-м отделении с привлечением специалистов, чтобы впоследствии подготовить ходатайство перед правительственными кругами.

24 апреля и 5 мая 1869 г. состоялись заседания 4-го отделения комитета, ведавшего торговым мореплаванием и путями сообщения. Они привлекли широкую аудиторию. Среди присутствовавших находились генерал-лейтенанты И. Ф. Бларамберг и С. А. Хрулев, генерал-майоры М. Г. Черняев, А. К. Гейнс, М. И. Иванин, Г. А. Колпаковский, контр-

²¹ Там же, стр. 454—455.

²² «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию». СПб. 1869, стр. 3—14.

адмиралы А. И. Бутаков, А. П. Жандр, Н. А. Ивашинцев, востоковед и высокопоставленный чиновник В. В. Григорьев, подполковник А. И. Глуховской, ташкентский купец Ф. М. Келлер и другие. Почти все они принимали активное участие в присоединении Средней Азии к России, изъездили многие области Туркестана и Казахстана, находились на административных постах в различных губернаторствах, генерал-губернаторствах и военном министерстве. Вопрос был поставлен, таким образом, на практическую основу.

С докладом выступил перед собравшимися А. И. Глуховской, весьма интересный деятель сравнительно нового, нарождавшегося в России типа. Состоя на службе в военном ведомстве, он тяготел к капиталистическому предпринимательству, играл активную роль в обществе, интересуясь вопросами экономики и экономической географии. Глуховской энергично добивался организации различных экспедиций в Туркестан, чем однажды навлек на себя недовольство военного министра Д. А. Милютин. Средняя Азия была не в новинку для этого полуофицера-полудельца. В 1865 г. он входил в состав отправленного военным губернатором Туркестанской области М. Г. Черняевым посольства в Бухарское ханство. Посольство было посажено эмиром под арест, но Глуховскому удалось использовать свое пребывание в Бухаре для сбора сведений о ней. В 1867 г. в Петербурге была издана ограниченным тиражом его «Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии». Название достаточно четко определяло содержание издания, роскошно оформленный экземпляр которого был поднесен царю. И в дальнейшем Глуховской продолжал оставаться энергичным сторонником укрепления позиций России в среднеазиатских ханствах и экономического освоения туркестанских земель.

Прочитанный Глуховским доклад начинался серьезным предупреждением, что «Европа через Индукуш и Кавказ может как наводнить персидские и среднеазиатские рынки своими изделиями, так и сильно подорвать нашу торговлю и нашу мануфактурную промышленность». Он характеризовал подобную возможность, как «катастрофу», которой можно избежать только путем прокладки путей сообщения, благодаря чему сократятся сроки и удешевятся перевозки товаров²³. Опираясь на значительным фактическим материалом, проявляя познания в области психологии торгово-предпринимательских кругов и охарактеризовав географические, экономические и политические условия бассейна Амударьи, Сырдарьи и территории между Каспийским и Аральским морями, Глуховской категорически отвергал возможность широкого использования Сырдарьи в качестве транспортной артерии для товарообмена центральных районов России со Средней Азией. «Упрочить и обеспечить быстрое развитие нашей промышленности и торговли,— убеждал он,— только и может открытие красноводско-амударьинского пути». Его использование удешевит перевозку товаров, ускорит оборачиваемость капиталов, откроет для русских купцов рынки «на Кавказе, в Туркмении, Хиве, Бухаре, Коканде»²⁴ и в странах зарубежного Востока, продолжал докладчик, раскрывая перед слушателями грандиозные с точки зрения реальных данных перспективы.

Высказанные Глуховским взгляды были поддержаны выступавшими в прениях членами общества и приглашенными — А. Я. Сафроновым, И. А. Носковым, генералами Краевским и С. А. Хрулевым, профессором А. И. Предтеченским, Ф. М. Келлером и другими. Важное место в дискуссии занимали вопросы преодоления на азиатских рынках конкуренции со стороны предпринимателей Британской империи, изучения про-

²³ Там же, стр. 15.

²⁴ Там же, стр. 46, 47.

странства между Каспием и Аралом и возможностей «поворота Амударьи в старое русло», чтобы заставить ее течь в Каспийское море и создать тем самым сплошную водную магистраль, ведущую в страны Востока.

Собравшиеся единогласно решили «приступить к исследованию системы амударьинской». В качестве наиболее выгодного торгового маршрута был определен путь от Красноводского залива до Амударьи (удобные бухты для стоянки судов, низменная местность, на которой легче добыть пресную воду, наличие туркменских кочевий, позволяющее сразу же завязать с местным населением экономические сношения). Учитывая итоги обсуждения, 4-е отделение постановило возбудить перед правительством ходатайство «о крайней необходимости безотлагательного открытия торгового пути от восточного берега Каспийского моря к р. Амударье и далее в Среднюю Азию»²⁵. 14 мая 1869 г. это постановление было подтверждено и принято общим собранием общества. Ссылаясь на предоставленное уставом право, его комитет официально обратился к финансовому и военному ведомствам с призывом к занятию побережья Красноводского залива и прокладке дороги от него к реке Амударье. Предложение это характеризовалось как весьма «важное для нашей русской торговли»²⁶. Письмо общества было датировано 28 сентября 1869 года.

Через 5 недель с небольшим, 5 ноября 1869 г., на берегу Муравьевской бухты Красноводского залива высадился отряд во главе с полковником Н. Г. Столетовым. Сопоставление этих двух дат не следует расценивать как почти молниеносное осуществление Петербургом желаний предпринимательских кругов (даже в данном конкретном случае). По-видимому, красноводский десант был задуман властями гораздо раньше. Архивные документы подтверждают это предположение: вопрос о высадке войск на восточном берегу Каспийского моря достаточно подробно обсуждался в правительстве еще в 1864—1865 гг.; высадка была отложена в связи с действиями полковников М. Г. Черняева и Н. А. Вревкина по «соединению линий» — Оренбургской и Ново-Кокандской, но уже 22 августа 1869 г. Александр II утвердил осуществление этого мероприятия²⁷.

В свете этих фактов натяжкой было бы включение занятия Красноводска в число «заслуг» общества (что было сделано в его юбилейном отчете²⁸). И тем не менее развернутая его членами кампания вокруг прокладки красноводского пути в Среднюю Азию, вне всяких сомнений, заслуживает внимания. С редким единодушием (и полным совпадением по времени) правящие круги и предприниматели Российской империи проявили не только теоретический, но и практический интерес к усилению своих экономических позиций в среднеазиатских землях. Хотя осуществленная акция имела военно-политическое значение, она рассматривалась в первую очередь и главным образом с точки зрения перспектив торговли. Об этом явствуют и журнал Особого комитета, утвержденный царем 2 февраля 1870 г., и одобренный им же 16 февраля доклад военного министерства²⁹. Цель занятия Красноводска, говорилось там, состоит преимущественно в том, чтобы «способствовать развитию торговых сношений наших с Средней Азией», для чего в Красноводском заливе намечалось создать «главную пристань для склада и отправления товаров». Этому же была подчинена программа в отношении местного населения: воздерживаться от каких-либо насильственных мер и не

²⁵ Там же, стр. 61.

²⁶ «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России». Сборник документов. Ашхабад. 1946, стр. 31.

²⁷ ЦГВИА, ВУА, д. 6814, л. 183.

²⁸ «Отчет о деятельности Общества с 1867 по 1892 год», стр. 63—65.

²⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 6832, л. 41.

вмешиваться в его внутренние дела, но «заинтересовать в торговом движении»³⁰.

Предприниматели должны были быть удовлетворены действиями правительства в западной части Туркестана. Тем более что все ведомства, к которым они обратились со своими пожеланиями, ответили, что принимают и разделяют надежды и стремления общества. Начальник Главного штаба Ф. Л. Гейден, отвечая по поручению военного министра Д. А. Милютина на ходатайство комитета общества об овладении Красноводском, высказывал, в свою очередь, пожелание, «чтобы русское купечество и русские капиталисты обратили действительно свои энергичные усилия к восточному берегу Каспийского моря»³¹. Но осторожные дельцы не спешили с «энергичными усилиями» в слабо изведенном крае, где транспортные средства и торговые дороги еще не были изучены надлежащим образом. Общество же продолжало проявлять глубокий интерес к решению этих вопросов. В частности, оно ходатайствовало о публикации отчетов русских финансовых агентов в Красноводске (и Ташкенте) и добивалось снаряжения экспедиций для ознакомления со старым руслом Амударьи и Каспийско-Аральской низменностью.

В ноябре 1872 г. член общества Н. А. Шавров представил его комитету доклад «О путях для торговли России с Азией». Продолжая придавать особую важность этой проблеме для отечественной торговли и промышленности, комитет образовал специальную комиссию «для подробного обсуждения значения торговых путей в Азию». Ее состав напоминал состав участников обсуждения «красноводского сюжета» тремя годами ранее. В комиссию вошли не только (можно даже сказать — не столько!) «чистые» фабриканты, заводчики, купцы (Н. А. Шавров, Н. А. Брылкин, М. Д. Бутин, А. А. Шавров и др.), но и большая группа сотрудников военного ведомства (А. И. Глуховской, А. В. Каульбарс, Л. Н. Соболев, А. П. Проценко, М. И. Венюков, А. И. Гомзин и др.), связанных с азиатской политикой и «военно-народным управлением» Туркестанского края, так же как и гражданские чины (М. И. Бродовский, А. Д. Холодковский, К. А. Скальковский, К. С. Безносиков и др.). В феврале 1873 г. комиссия завершила работу. Ее узкий, «редакционный» состав (Д. И. Романов, А. П. Проценко, М. И. Венюков, А. И. Глуховской, Н. А. Шавров) подготовил доклад комитету общества. В нем отмечалось слабое развитие азиатской торговли из-за отсутствия удобных путей сообщения от центра страны к восточным рынкам и рассматривались три группы дорог: закавказско-персидского, китайского и среднеазиатского (в том числе — от Оренбурга и Западной Сибири к Ташкенту и от Красноводска в глубь Средней Азии) направлений. «Туркестанский или собственно среднеазиатский рынок,— подчеркивалось в докладе,— допуская самое широкое развитие производства сырья для наших фабрик, в настоящее время для русской промышленности и торговли имеет весьма важное значение, которое увеличится в будущем в громадной прогрессии с возможностью дешево перевозить это сырье к центральному московскому району». Составители доклада подчеркивали, что местные «перевозочные средства» достигли предела и в ташкентских складах порой скапливается до 150 тыс. пудов грузов «за невозможностью отправить их в Россию». Они считали единственным выходом из создавшегося положения строительство «паровой» железной дороги в Туркестан, а также соз-

³⁰ Там же, д. 6828-а, лл. 6—7. Любопытно отметить, что за полвека до того, 21 апреля 1820 г., кавказский наместник А. П. Ермолов писал министру иностранных дел К. В. Нессельроде: «Торговля с Хивой, Бухарией и далее... есть бесспорно главной целью устройства заведения на восточном берегу Каспийского моря...». «Акты Кавказской археографической комиссии». Т. VI, ч. I. Тифлис. 1874, стр. 717—718.

³¹ «Россия и Туркмения в XIX веке», стр. 34—35.

дание «непрерывного» и дешевого водного пути от Нижнего Новгорода до Красноводска³².

Экономическое положение и технические возможности России тех лет делали сомнительной прокладку железнодорожной магистрали в Среднюю Азию: лишь в 1876 г. железная дорога была проведена из Самары до Оренбурга. Однако общество продолжало стремиться к «приведению в известность», как тогда говорили, специфических особенностей Арало-Каспийской низменности. Оно внимательно наблюдало за намерениями правительства и старалось использовать его планы для своих нужд. Общество ходатайствовало о снаряжении особой экспедиции по исследованию старого русла Амударьи. Просьба была удовлетворена, и «высочайше учрежденная экспедиция» доставила много очень важных сведений об этой реке³³. Отмеченное мероприятие свидетельствует об определенной согласованности действий правящих кругов и предпринимателей.

В марте 1873 г. начальник Главного штаба Ф. Л. Гейден получил от состоявшего при нем для поручений полковника А. И. Глуховского докладную записку о том, что в связи с готовящимся хивинским походом некоторые торгово-промышленные деятели намерены послать караван с восточного берега Каспия к Амударье, чтобы в случае удачи установить постоянную торговую связь со Средней Азией. Глуховской обуславливал успех любого солидного предприятия в Туркестане поддержкой правительства, «в особенности ввиду тех усилий, какие англичане не замедлят употребить для развития их торговли в Средней Азии»³⁴. Автор докладной записки отдавал должное усилиям властей, до того не отказывавшим в содействии и покровительстве стараниям купцов развивать экономические сношения на Востоке. Однако эти старания сталкивались с трудностями: недостаток опытных людей, слабая изученность условий торговли, «недобросовестность приказчиков-посредников» и т. д. Ныне эти неблагоприятные условия могли быть устранены. Глуховской просил разрешить ему посетить за собственный счет юго-западную часть Оренбургского края и Закаспий, исследовать торговые пути, порты Аральского и Каспийского морей.

По «всепоподаннейшему докладу» военного министра от 6 марта 1873 г. Александр II санкционировал «командирование полковника Глуховского для изучения торгового положения Средней Азии»³⁵. 17 марта последний получил своего рода предписание-программу: 1. Осмотреть территорию и важнейшие пути от г. Уральска до Аральского моря и к главнейшим пунктам Амударьинского бассейна, а оттуда — к Каспию. 2. Посетить по возможности «все прикаспийские порты для узнания их торгового положения и с целью убедиться, в какой мере каждый из них может отвечать ожиданиям правительства в деле развития торговых сношений России с ближайшими азиатскими рынками». 3. Выяснить сравнительное значение торговли и «коммерческих путей Персии и Закавказского края относительно среднеазиатской нашей торговли». 4. После детального ознакомления с этими вопросами представить свои соображения о торговом положении России на среднеазиатско-персидских рынках, способах его укрепления и развития коммерческих сношений³⁶.

18 марта 1873 г. Глуховской выехал из столицы, 31 марта прибыл в Оренбург, а оттуда направился в земли, подведомственные туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману. Тот в это время возглавил

³² «Общество для содействия русской промышленности и торговле. Петербург. Особая комиссия по исследованию путей для торговли России с Азией». Доклад комитету общества. СПб. 1873.

³³ «Отчет о деятельности Общества с 1867 по 1892 год», стр. 76.

³⁴ ЦГВИА, ф. 400. Азиатская часть Главного штаба, д. 8 за 1873 г., л. 1.

³⁵ Там же, лл. 4—6.

³⁶ Там же, лл. 10—11.

хивинский поход царских войск. 9 июня 1873 г., когда Хивинское ханство уже фактически капитулировало, Глуховской из «лагеря под Хивой» обратился к начальнику Туркестанского края с объемистой докладной запиской, копию которой отправил в Главный штаб. В ней этот своеобразный посредник между российской буржуазией и правительством старался наметить план дальнейших действий, который устраивал бы обе стороны. Он настаивал на занятии Устюрта и дельты Амударьи. «Если до последнего времени одним из доводов против открытия Красноводско-Амударьинского пути служила возможность направления по нему европейских товаров в Среднюю Азию, то теперь... скорейшее открытие и обеспечение безопасности Каспийско-Амударьинского пути составляет первейшую и безотлагательную необходимость, без которой невозможно будет удержать в своих руках среднеазиатскую торговлю через Персию и Каспийское море». Экономическое и политическое проникновение Британской империи в Среднюю Азию вызывало острое беспокойство Глуховского: он призывал включить местные ханства «в таможенный союз» с Россией и немедленно проложить в Туркестан дорогу от побережья Каспия³⁷.

Через месяц после этого, 7 августа 1873 г., Глуховской снова обратился к Кауфману. Он ходатайствовал о проведении в жизнь мер, необходимых, с его точки зрения, для обеспечения русских торговых интересов в Хиве. Среди них фигурировало предоставление подданным Российской империи права свободно торговать на территории ханства, учреждать там свои фактории и беспошлинно провозить через Хиву свои товары. Надлежало возложить на хана ответственность за безопасность русских купцов, которые должны были получить право выплачивать только гильдейские пошлины (а не местный торговый налог — закят), пользоваться экстерриториальностью и возможностью приобретать недвижимость в ханстве. Хивинскому правительству надлежало гарантировать нерушимость торговых обязательств, взятых его подданными. Судопроводство по Амударье должно было допускаться лишь под русским флагом. Предлагалось также лишить хана возможности заключать с другими государствами торговые договоры³⁸.

Нет необходимости детально анализировать эту программу, чтобы убедиться в ее, если так можно выразиться, буржуазной сущности. Она показала, что у полковника генерального штаба была скорее предпринимательская, чем военная жилка. Однако при внимательном чтении этого документа не только в плане его содержания, но и, так сказать, «формально», на нем можно различить давнюю карандашную помету: «Все изложенные здесь меры вошли полностью в заключенный 12 августа договор с Хивой». Помета эта абсолютно точна. Можно не сверяться с опубликованным текстом договора, продиктованным К. П. Кауфманом хивинскому хану Мухамеду Рахиму II 12 августа 1873 г. в Гандеманском саду, близ города Хивы³⁹. Он содержал, правда, еще и ряд политических условий. Но в «экономической» части он почти полностью соответствовал «проспекту» Глуховского. А ведь не он составлял проект мирного договора. Напрашивается вывод: царские власти (по крайней мере такие их представители, как Кауфман), удовлетворяя, отстаивая и защищая интересы своей дворянско-помещичьей опоры, не забывали и о нуждах и потребностях развивавшейся буржуазии.

Наряду с отмеченными выше рекомендациями Глуховской занимался непосредственно тем, на что было «испрошено монаршее соизволение»: снарядил караван из Хивы к Красноводскому заливу осенью 1873 г.,

³⁷ Там же, лл. 17—35.

³⁸ Там же, лл. 58—59.

³⁹ См. С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Птгр. 1915, стр. 178—183, приложение III.

исследовал Сарыкамышскую впадину, Урундарью и Амударью и собрал разнообразные материалы о посещенных территориях. Отчет Глуховского о поездке вместе с приложениями составил 54 исписанных с двух сторон листа. И хотя Д. А. Милютин, несколько скептически относившийся к своему подчиненному, словно недоумевая по поводу такой «гибридизации» (офицер-генштабист в роли активного деятеля общества фабрикантов, судовладельцев и купцов), исчертил доклад полковника массой иронических помет, на общем заключении отчета стоит остановиться.

Глуховской упоминал о себе в качестве свидетеля и очевидца происходивших в Средней Азии событий в 1865—1874 гг., чтобы констатировать, что состояние местных дел «довольно неопределенно, неясно и переменчиво»⁴⁰. По его мнению, среднеазиатские ханства приходили в упадок и запустение, им угрожало «занесение песками», поэтому следовало направить туда правительственную комиссию «для исследования, с русской точки зрения, всех торговых и экономических вопросов», необходимого при определении будущей политики. Такая комиссия могла бы распределить между ханствами водные ресурсы, определить политические цели и «обеспечить торговые и экономические интересы России» в Средней Азии. Далее Глуховской предлагал назначить во все ханства агентов Петербурга, «установить торговое право» и постепенно ввести имперскую систему денег, мер и весов, создать подобие почты, заключить с Бухарой и Кокандом договоры, аналогичные хивинскому, и включить ханства в таможенный союз с Россией, а также предоставить «русско-подданным-христианам» торговые льготы⁴¹. Эти наметки по своему буржуазному характеру не отличаются (да и почему бы им отличаться?!) от ранее высказывавшихся Глуховским взглядов. И как бы ни высмеивал военный министр отдельные их положения, даже он не смог бы отрицать, что независимо от них царское правительство целеустремленно проводило в жизнь программу капиталистического освоения среднеазиатских окраин, а купцы и предприниматели получили возможность развернуть операции в различных районах Туркестана. Общество для содействия русской промышленности и торговле выразило большую признательность А. И. Глуховскому. Собранные им сведения, как и материалы Арало-Каспийской экспедиции⁴², организованной примерно в то же время (летом 1874 г.) петербургским Обществом естествоиспытателей при поддержке кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича, министра финансов М. Х. Рейтерна и туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана, нашли практическое применение. Члены общества проявляли серьезное беспокойство по поводу британской военно-политической и экономической экспансии в соседних азиатских странах, представлявшей серьезную угрозу владениям Российской империи. Уничтожив военным путем независимость Синда (1843 г.), а затем и Пенджаба (1846—1849 гг.), Англия завершила завоевание Индии, прочно укрепившись в этой своей колонии после жестокого подавления народно-освободительного восстания 1857—1859 годов. Навязав афганскому эмиру Дост Мохаммед-хану договоры «о дружбе» (1855—1857 гг.), англичане предпринимают настойчивые усилия «мирным путем» закрепиться в Афганистане после неудачной попытки захватить это государство силой (1838—1842 гг.).

В результате этих действий Британская империя значительно приблизилась к Средней Азии и существенно активизировала торговое проникновение в Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, в русский

⁴⁰ Против этого места на отчете ядовитая помета Милютина: «Мнение автора, которому многое не ясно». ЦГВИА, ф. 400, д. 8 за 1873 г., л. 128.

⁴¹ Там же, лл. 88—142.

⁴² См. об этом: М. Н. Богданов. Обзор экспедиций и естественно-исторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. «Труды» Арало-Каспийской экспедиции. Вып. I. СПб. 1875.

Туркестан. Сбыт российских товаров на среднеазиатских рынках оказался под серьезной угрозой. С исключительной прозорливостью это подметил Ф. Энгельс, который писал: «Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость непрерывного расширения торговли... принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря. И хотя мы очень мало знаем о размерах русского экспорта в эту часть света, мы все же из факта увеличения английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно, заметно сократилась»⁴³. Конкретные данные полностью подтверждают высказанное предположение⁴⁴.

Российских дельцов тревожило то, что поток британских товаров «с Инда и с Черного моря» грозил захлестнуть Среднюю Азию. Уже после превращения Красноводска в опорный пункт России на восточном берегу Каспия член-делопроизводитель общества И. А. Носков заявил, что «благоприятное направление вопроса о торговых путях в Среднюю Азию» и польза, какую принесло открытие нового пути, могут быть «совершенно парализованы беспошлинной транзитной перевозкой европейских товаров через Кавказ в Среднюю Азию». В результате переполнения местных рынков этими товарами, утверждал Носков, «для нас среднеазиатская торговля будет потеряна окончательно»⁴⁵. Его доклад комитету «был выслушан с живейшим интересом». Составленная на этой основе «дополнительная записка о торговых путях в Среднюю Азию и о влиянии на развитие нашей среднеазиатской торговли существующего транзита иностранных товаров через Кавказ», как гласит отчет о деятельности общества в 1869 г., была напечатана в количестве 800 экз. и разслана не только членам общества, но и «во все важнейшие периодические издания». Кроме того, специальная делегация членов комитета представила соответствующий документ кавказскому наместнику вел. кн. Михаилу Николаевичу⁴⁶.

В результате этих стараний опасность, нависшая над позициями российских предпринимателей на рынках Туркестана со стороны европейских (главным образом английских) фабрикантов в связи с кавказским транзитом, была серьезно ослаблена, если не ликвидирована полностью. Тем не менее члены общества отдавали себе отчет в экономической слабости России по сравнению с более развитыми в промышленном отношении государствами и продолжали размышлять над проблемой устранения конкурентов. Обстоятельное сообщение по этому вопросу сделал М. А. Терентьев, занимавший ряд военно-административных постов в Туркестанском крае, дослужившийся впоследствии до генеральских чинов и написавший ряд книг о международных отношениях на Востоке. Его доклад назывался весьма симптоматично: «Как устранить торговое соперничество англичан в Средней Азии». Не менее целенаправленным был и главный лейтмотив доклада: «Самое мощное оружие Англии — торговля. Этим только оружием она в состоянии победить нас в Азии»⁴⁷. Терентьев рассматривал «средства и обстоятельства» торговли России и Британской империи на Востоке, объем товарооборота и цены, уделял особое внимание развитию хлопководства в Туркестане и сбыту там русских хлопчатобумажных изделий. Он весьма одобрительно отзывался об

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 9, стр. 12—13.

⁴⁴ См. об этом: М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века. М. 1963; А. Я. Соколов. Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских торговых отношений. Ташкент. 1971; Н. А. Халфин. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М. 1974.

⁴⁵ «Отчет о деятельности Общества в 1869 году», стр. 33.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ «Труды» Общества. Ч. 2, стр. 158.

«изысканиях» ген. Кауфманом средств «для противодействия энергической настойчивости английских купцов, стремящихся завоевать наши рынки»⁴⁸. Автор доклада приводил чрезвычайно любопытные соображения по поводу соотношения между политикой и торговлей применительно к среднеазиатским проблемам, отдавая явное предпочтение экономическим факторам. «Мы не можем принудить Бухару и Хиву закрыть свои рынки для английских товаров, и потому эти ханства сделались передовыми складочными пунктами для произведений соперничающей нации. Политическое влияние в ханствах Средней Азии находится в прямой зависимости от торговли. Поэтому скопление английских капиталов нежелательно ни на Каспийском море, ни на рынках, на которые мы сами рассчитываем»⁴⁹.

Что же предлагал М. А. Терентьев «для устранения торгового соперничества Англии на среднеазиатских рынках»? Разработанная им программа предусматривала прежде всего капиталистическое развитие восточных окраин Российской империи, улучшение связей между ними и промышленным центром. Она состояла из 5 пунктов: 1. Прокладка в Среднюю Азию телеграфной линии. 2. Строительство железнодорожной магистрали. 3. Улучшение культуры местного хлопчатника. 4. «Охрана рынков от вторжения английских мануфактур». 5. Учреждение «в самой Азии» хлопчатобумажных фабрик⁵⁰. Нет оснований утверждать, что эта программа рассматривалась правительственными кругами. Несомненно, однако, что их взгляды совпадали с точкой зрения члена общества: прошло очень немного времени, и Туркестан был соединен с другими районами страны двумя железными дорогами и телеграфом, включен вместе с Бухарой и Хивой в таможенные границы империи, а культура хлопчатника постепенно улучшалась. Тот же М. А. Терентьев с удовлетворением констатировал в 1876 г.: «В области русского Туркестана допускаются из Индии только кисея, идущая на чалмы, да индиго, и то с высокой пошлиной в 50%, остальные товары английского происхождения запрещены к ввозу со 2 апреля 1868 года»⁵¹.

Что же касается развития в Средней Азии фабрично-заводского хлопчатобумажного производства, то на это царские власти не склонны были пойти, чтобы не создавать лишних конкурентов петербургским и московским производителям текстиля. В этом вопросе члены общества были настроены более либерально, чем правительство. Стоит отметить также их стремление привлечь к активному сотрудничеству представителей местного населения Туркестанского генерал-губернаторства. По ходатайству ташкентского отделения общества, считавшего, что «вполне основательная разработка вопросов, касающихся нашей торговли с Средней Азией, немыслима без участия в этом деле туземцев», комитет разрешил отделению принимать их в члены общества, «не требуя от них годовых взносов...»⁵². Общество проявило также серьезное беспокойство по поводу вывоза из Туркестана за границу яичек шелковичных червей, который «всегда вредно отражается на местном шелководстве и даже угрожает опасностью в случае проявления болезни шелковичных червей». Комитет общества обратился с тревожными письмами по этому поводу к местному генерал-губернатору и в различные сельскохозяйственные организации. В итоге генерал-губернатор сначала резко повысил вывозную пошлину, а затем объявил о намерении вовсе запретить экспорт яичек шелковичных червей⁵³.

⁴⁸ Там же, стр. 175.

⁴⁹ Там же, стр. 182.

⁵⁰ Там же, стр. 183. Положения своего доклада М. А. Терентьев развил в книге «Россия и Англия в борьбе за рынки». СПб. 1876.

⁵¹ М. А. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки, стр. 264.

⁵² «Труды» Общества. Ч. 1, стр. 68. Журнал заседаний комитета от 24 апреля 1872 г.

⁵³ Там же, стр. 47—51.

По ходатайству общества правительство в 1892 г. приняло постановление о возврате пошлин при вывозе хлопчатобумажных изделий, что стимулировало производство и экспорт наиболее важных для российской промышленности товаров. С достаточным пониманием отнеслось оно и к другим пожеланиям предпринимателей: об открытии в Бухаре отделения Государственного банка, страховании судов, учреждении на Амударье коммерческого и почтового пароходства, основании в Коканде, Бухаре и других крупных городах торговых агентств (1871 г.), главы которых могли бы «служить распространению нашего коммерческого влияния на азиатском рынке» и т. д. и т. п.⁵⁴ В частности, во исполнение последнего из отмеченных ходатайств генерал-губернатор Кауфман направил в Бухарское ханство в качестве «агента министерства финансов» Н. Ф. Петровского. Ему было поручено детально ознакомиться с особенностями местной торговли, изучить специфику спроса, цены на отдельные товары. После поездки в Бухару Петровский привез интереснейшие сведения о местном рынке, которые немало способствовали расширению экономических связей между Россией и этим ханством⁵⁵. В 1885 г. Петербург принял решение о создании Российского политического агентства в Бухаре. Находившееся в ведении министерства иностранных дел, агентство оказывало всемерное содействие торгово-экономическим начинаниям русских предпринимателей в ханстве⁵⁶.

Сказанным далеко не исчерпываются планы и замыслы фабрикантов, заводчиков и торговцев по удовлетворению своих интересов в Туркестане, но и оно достаточно наглядно характеризует сферу интересов Общества для содействия русской промышленности и торговле в Средней Азии. Для обобщенной оценки позиции объединения российских предпринимателей показательно письмо комитета общества совету Географического общества от 4 ноября 1878 года⁵⁷. Оно свидетельствует о том, как ведущие круги российской буржуазии расценивали слабые стороны своей деятельности.

Члены комитета сетовали на недостаточное взаимодействие между правительством и промышленниками России. «Прежде чем решиться на какой-либо шаг в своей восточной политике,— многозначительно констатировали авторы документа,— Англия всегда изучала объект своего действия, и английское общество всегда являлось на помощь правительству и даже предупреждало его, подготавливая почву для действия дипломатов и, в случае нужды, полководцев. Задолго до какого-нибудь политического или военного предприятия английские ученые и купцы исследовали намеченную область и доставляли правительству и обществу точные и подробные сведения. За этими пионерами шли уже политические агенты, а за ними в конце концов армия. Таким образом, и относительно Афганистана экспедиция Бернса и других агентов Ост-Индской компании далеко опередили правительственное вмешательство». С грустью и сожалением комитет отмечал, что царская империя в данном отношении представляет иную картину. «Совершенно противно этой системе действовали у нас в России. Общество для содействия русской промышленности и торговле может указать только на один факт последнего времени — занятия Красноводска, где ходатайство и настояние Общества для содействия русской промышленности и торговле упредило решение правительства». Далее в письме следовал призыв к проявлению частной инициативы при разностороннем исследовании стран Востока⁵⁸.

⁵⁴ «Отчет о деятельности Общества с 1867 по 1892 год», стр. 46—48, 52, 76 и др.

⁵⁵ Эти материалы хранятся в Историческом отделе ЦГА Узбекской ССР.

⁵⁶ В отношении Коканда подобные мероприятия оказались ненужными, поскольку в 1876 г. ханство вошло в состав Российской империи в качестве Ферганской области Туркестанского края.

⁵⁷ Архив Всесоюзного Географического общества (г. Ленинград), ф. 1—1878, оп. 1, д. 36, лл. 1—2.

⁵⁸ Там же, л. 1.

Отнюдь не все верно в этих утверждениях. Так, числившаяся частной Ост-Индская компания во времена Бернса уже находилась под контролем правительства и парламента, да и в занятии Красноводска «настоящее общество» вовсе не «упредило решение» властей, а в лучшем случае зовпало с ним. Но основная мысль, выраженная в послании, была справедлива. Английские предприниматели развивали в странах Востока несравненно большую активность, чем российские. Это тоже объяснимо: буржуазная революция в силу определенных конкретных обстоятельств произошла в Англии значительно раньше, чем в России. Британская буржуазия в своих действиях в Азии, Африке, Америке, Австралии чувствовала себя несравненно увереннее, рассчитывая на полную поддержку своего буржуазного правительства, чего нельзя было сказать о русских предпринимателях. Но факт остается фактом. Сетования Общества для содействия русской промышленности и торговле на пассивность отечественных капиталистов (в данном случае в странах Востока), несомненно, имели под собой почву. Однако абсолютизировать эту пассивность тоже нет оснований. На примере конкретных шагов, которые были осуществлены только одним из объединений предпринимателей в связи с освоением восточных рынков, можно сделать вывод, что эти рынки не выходили из поля зрения развивавшейся российской буржуазии.

Любопытно, что внимание, уделявшееся Средней Азии в действиях и печатных изданиях общества, заметно сокращается к началу XX века. По-видимому, фабриканты, заводчики и торговцы считали, что все их цели теперь достижимы обычными путями, без экстраординарных «ходатайств перед правительством». В самом деле, большая часть Средней Азии вошла в состав Российской империи; Бухарское и Хивинское ханства сохраняли только видимость самостоятельности. Вся эта обширная территория стала доступна для распространения российского капитализма, превращена в рынок сбыта и источник сырья. В Туркестане, хотя и крайне медленно, возникла капиталистическая промышленность. Быстро росла торговля. Развивались финансовые операции буржуазного типа. Оборот кредитных операций отделения Государственного банка в Ашхабаде в 1895 г. составил 18,5 млн. руб., в 1900 г. — 51,6 млн. руб., а в 1908 г. уже достиг 82,5 млн. рублей⁵⁹. Аналогичным образом обстояло дело в других городах и с другими банками, в том числе частными, немалое число которых открыло свои конторы или отделения во многих среднеазиатских городах. В Ташкенте находились отделения Российского государственного банка, Азовско-донского, Волжско-камского коммерческого, Русско-китайского (впоследствии Русско-азиатский) и других банков; в Самарканде — Государственного, Волжско-камского, Московского учетного, Русско-китайского, Сибирского торгового банков; в Коканде — Государственного, Московского международного торгового, Русского для внешней торговли, Сибирского, Соединенного и других банков; в Бухаре — Государственного, Московского международного торгового, Русского для внешней торговли, Московского учетного, Русско-китайского банков и т. д.

В 1890 г. Петербургское транспортное общество «Кавказ и Меркурий» учредило в Самарканде свое Среднеазиатское управление, а также отделения в Ташкенте, Андижане, Новом Ургенче, Оше, Керках, Душаке и других городах. В середине 80-х годов XIX в. «Товарищество Ярославской большой мануфактуры», занимавшее видное положение в текстильной промышленности России, основало свои конторы в Ташкенте (главная), Андижане, Бухаре, Коканде, Маргелане, Намангане, Мерве, Скобелеве (ныне Фергана), Ходженте, Хиве, Чарджуе (ныне — Чарджуу), Митане, Куве и на Андреевском хуторе; оно имело в Туркестане

⁵⁹ В. И. Масальский. Указ. соч., стр. 546.

несколько хлопковых заводов и складов, занималось выращиванием, скупкой и переработкой хлопка.

Резко увеличились масштабы внутренней и внешней торговли. В начале XX в. общий торговый оборот Туркестанского генерал-губернаторства составил 320,5 млн. руб. (вывоз — 140,5 млн., ввоз — 180 млн. руб.). Торговля Бухарского ханства с Европейской Россией тоже выразилась во внушительных цифрах — 50—55 млн. руб., а общий оборот торговли Хивинского ханства достиг 20 млн. рублей. Существенное расширение получила и внешняя торговля России по среднеазиатской границе, составив в начале XX в. сумму почти в 32 млн. руб. (15,7 млн. руб.— импорт, 16 млн. руб.— экспорт)⁶⁰. Иными словами, членам объединения промышленников и торговцев не оставалось желать ничего лучшего и хлопотать, в общем, было не о чем. Поэтому в «Трудах» общества в дальнейшем лишь эпизодически появлялись отдельные материалы (и то не очень значительные), связанные с проблемами Средней Азии. Так, за 1904—1907 гг. в этом издании промелькнула всего одна краткая заметка — «О проведении Сибирско-Ташкентской железной дороги в экономическом отношении»⁶¹.

Подведем некоторые итоги. Одна из крупнейших организаций российских предпринимателей — Общество для содействия русской промышленности и торговле проявляло большой интерес к экономическому освоению Средней Азии и созданию для этого необходимых политических и технических условий. Ходатайства общества в этом направлении находили понимание у царского правительства, которое подчас по своей инициативе, так сказать, «параллельно», осуществляло мероприятия, способствовавшие капиталистической эксплуатации среднеазиатских земель (в том числе создание инфраструктуры) и защищавшие их от иностранных конкурентов. Эти действия, проводившиеся особенно интенсивно в период присоединения Средней Азии к России и ее политического и организационного устройства (60—90-е годы XIX в.), стимулировали на восточных окраинах страны развитие капиталистических отношений, что объективно имело прогрессивное значение⁶². Деятельность Общества для содействия русской промышленности и торговле является иллюстрацией к известному ленинскому положению о том, что «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран»⁶³; она представляет собой еще одно доказательство значения экономических мотивов в среднеазиатской политике царизма.

⁶⁰ Там же, стр. 550—552. В 1840—1850 гг. товарооборот между Российской империей и всей Средней Азией составлял в среднем 1,4 млн. руб. в год («Труды» Общества. Ч. 2, стр. 156).

⁶¹ «Труды» Общества. Ч. 29. СПб. 1908, стр. 17—19.

⁶² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 597.

⁶³ Там же, стр. 595.